

Теперь же, Книга, плод моих трудов, иди
И покажи всем, что хранишь в своей груди.
Ты развлекай и поучай друзей моих,
Пусть верный путь к добру им мой укажет
стих.

Надеждой льщу себя, что сбудутся мечты,
Что жизни смысл понять им всем
поможешь ты.

Ты познакомь их с Милосердием; оно
На жизненном пути быть правилом должно.
Пусть голос звучный твой дев юных призовет
Ценить тот мир, что есть, и тот, что всех нас
ждет.

В душе имея Господа, пусть с Ним
Пойдет надежнейшей тропею пилигрим.

Джон Беньян

Глава 1

ИГРА В ПИЛИГРИМОВ

— Без подарков и Рождество не Рождество, — недовольно проворчала Джо, растягиваясь на коврике перед камином.

— Как это отвратительно — быть бедным! — вздохнула Мег и опустила взгляд на свое старое платье.

— Это просто несправедливо, что у одних девочек полно красивых вещей, а у других совсем ничего нет, — обиженно засопев, добавила маленькая Эми.

— Зато у нас есть папа и мама, и все мы есть друг у друга, — с удовлетворением отозвалась из своего угла Бесс.

При этих ободряющих словах четыре юных лица, освещенных огнем камина, на мгновение оживились, но тут же омрачились снова, так как Джо сказала печально:

— Нет у нас папы и долго не будет.

Она не произнесла: «Быть может, никогда», но каждая из них добавила эти слова про себя, задумавшись об отце, который так далеко от них — там, где сражаются¹.

С минуту все молчали; затем Мег заговорила другим тоном:

— Вы же знаете, почему мама предложила не делать друг другу подарков на Рождество. Зима предстоит тяжелая, и мама считает, что нам не следует тратить деньги на удовольствия, в то время как мужчины несут все тяготы фронтовой жизни. Мы мало чем можем помочь им, но все же способны принести свои маленькие жертвы и должны делать это с радостью. Но, боюсь, в моей душе этой радости нет. — И Мег покачала головой, с грустью подумав обо всех тех красивых вещах, которые ей хотелось иметь.

— А по-моему, те небольшие карманные деньги, какие у нас есть, не могут принести заметную пользу. У каждой из нас всего лишь доллар, и вряд ли мы так уж поможем армии, если пожертвуем ей эти деньги. Я согласна не ожидать никаких подарков от мамы и от вас, но очень хочу купить себе «Унди́ну и Синтрама»². Я так долго об этом мечтала! — сказала Джо, которая была известной пожирательницей книг.

---

¹ Действие происходит в одном из городов на севере США в период Гражданской войны между Севером и Югом (1861–1865).

² «Унди́на и Синтрам» (1811) — произведение немецкого писателя-романтика Фридриха де ла Мотт Фуке (1774–1843).

— Я собиралась потратить свой доллар на новые ноты, — проронила Бесс с таким легким вздохом, что его слышали лишь стоявшие поблизости подставка для чайника и щетка для выметания очага.

— А я куплю себе коробку цветных карандашей. Мне они совершенно необходимы, — заявила Эми решительно.

— Мама ничего не говорила о наших карманных деньгах, и она, конечно, не станет требовать, чтобы мы полностью отказались от всяких удовольствий. Пусть каждая из нас купит что хочет, и мы хоть немного порадуемся. По-моему, мы заслужили это тем, что так усердно трудились! — воскликнула Джо, по-мужски оглядывая каблуки своих стоптанных туфель.

— Уж мне-то действительно пришлось нелегко — учить этих надоедливых детей чуть ли не целыми днями, когда так хочется домой, — снова начала Мег жалобным тоном.

— Тебе было далеко не так тяжело, как мне, — заявила Джо. — Как бы тебе понравилось часами сидеть взаперти с суматошной и капризной старухой, которая не дает тебе ни минуты покоя, вечно недовольна и надоедает до такой степени, что ты готова выброситься из окна или зарыдать?

— Нехорошо, конечно, жаловаться, но я считаю, что мыть посуду и поддерживать порядок в доме — самая неприятная работа на свете. От нее я становлюсь раздражительной, а руки делаются как деревянные, так что я даже не могу

как следует играть гаммы. — И Бесс взглянула на свои загрубевшие руки со вздохом, который на этот раз услышали все.

— А я думаю, что ни одна из вас не страдает так сильно, как я! — воскликнула Эми. — Ведь вам не приходится ходить в школу и сидеть там с наглыми девчонками, которые ябедничают на тебя, если ты не знаешь урока, смеются над твоими платьями, оскорбляют тебя из-за того, что у тебя не очень красивый нос, и чистят твоего отца, так как он небогат.

— Если ты хочешь сказать честя́т, то так и скажи, а не говори об отце так, как будто он закопченный чайник, — посоветовала Джо со смехом.

— Я прекрасно знаю, что я хочу сказать, и ни к чему обращаться ко мне с таким старказмом. Это очень похвально — употреблять хорошие слова и пополнять свой лисикон, — с достоинством парировала Эми.

— Не клуйте друг друга, детки. Разве тебе, Джо, не хотелось бы, чтобы у нас сейчас были те деньги, которых папа лишился, когда мы были маленькими? — сказала Мег, которая была старшей и могла припомнить лучшие времена. — Боже мой! Какими счастливыми и доброжелательными были бы мы, если бы у нас не было забот!

— А на днях ты говорила, что, по твоему мнению, мы гораздо счастливее, чем дети Кингов, несмотря на все их богатство, потому что они только и делают, что ссорятся да дерутся.

— Конечно, Бесс, я это говорила и действительно думаю, что мы счастливее их, пусть даже

нам и приходится работать. Ведь зато мы умеем повеселиться, и вообще мы «теплая компания», как сказала бы Джо.

— Джо всегда употребляет такие вульгарные выражения! — заметила Эми, укоризненно взглянув на длинную фигуру, растянувшуюся на коврик.

Джо немедленно села, засунула руки в карманы и засвистела.

— Перестань, Джо, это так по-мальчишески!

— Именно поэтому и свищу.

— Терпеть не могу грубых, невоспитанных девочек!

— Ненавижу жеманных и манерных недо-трог!

— «Птички в гнездышке своем все щебечут в лад», — запела Бесс с таким забавным выражением лица, что раздраженные голоса сменились смехом и «птички» на время перестали клевать друг друга.

— Право же, девочки, обе вы заслуживаете порицания, — рассудительно сказала Мег, принимаясь за поучения на правах старшей сестры. — Ты, Джозефина, уже достаточно взрослая, чтобы отказаться от этих мальчишеских выходок и вести себя как подобает девушке. Твои манеры не имели большого значения, пока ты была маленькой. Однако теперь, когда ты такая высокая и делаешь себе «взрослую» прическу, тебе следует помнить, что ты уже барышня, а не мальчишка-сорванец.

— Никакая я не барышня! А если я делаюсь барышней оттого, что укладываю волосы, то уж

лучше я буду носить две косы, пока мне не исполнится двадцать! — воскликнула Джо, стянув с волос сетку и стряхивая вниз свою густую каштановую гриву. — Противно даже подумать, что мне придется стать взрослой, называться мисс Марч, носить длинные платья и быть чопорной, как какая-нибудь китайская астра! И так уж скверно быть девчонкой, когда я люблю все мальчишеское: и работу, и игры, и манеры! Мне никак не свыкнуться с тем, что я не мальчик, а теперь даже еще тяжелее, потому что я до смерти хочу пойти в армию и сражаться плечом к плечу с папой, а вместо этого приходится сидеть дома и вязать, словно какая-нибудь сонная старуха! — И Джо так свирепо потрянула синим солдатским носком, что спицы застучали друг о друга, как кастаньеты, а клубок запрыгал по комнате.

— Бедная Джо! Это ужасно, но ничего тут не поделаешь. Придется тебе довольствоваться тем, что ты превратила свое имя в мужское и играешь роль брата по отношению к нам, девочкам, — сказала Бесс, глядя всклокоченную голову Джо своей маленькой рукой, прикосновение которой никакая самая тяжелая работа на свете никогда не смогла бы сделать грубым.

— А что касается тебя, Эми, — продолжила Мег, — то ты чересчур привередлива и церемонна. Пока это просто смешно, но если ты не остережешься вовремя, то, когда вырастешь, превратишься в глупую жеманную гусыню. Мне нравится и твоя благовоспитанность, и приятная

манера выражаться, но лишь до тех пор, пока ты не начинаешь изощряться. Все эти твои нелепые слова ничуть не лучше, чем жаргон Джо.

— Если Джо — мальчишка-сорванец, а Эми — жеманная гусыня, то, будь добра, скажи, кто же я, — попросила Бесс, готовая выслушать упреки и в свой адрес.

— Ты просто прелесть, вот и все, — ответила Мег с теплотой, и никто не возразил ей, потому что Мышка, как называли Бесс, была любимицей всей семьи.

Юные читатели всегда интересуются тем, «как люди выглядят», и потому мы воспользуемся этим моментом, чтобы дать им краткое описание внешности четырех сестер, которые сидели с вязаньем в руках в декабрьские сумерки, когда за окнами тихо падал пушистый снег, а в гостиной весело потрескивал огонь. Это была уютная старая комната; правда, ковер был выцветшим, а мебель очень простой, но зато на стенах висело несколько хороших картин, стенной шкаф был заполнен книгами, на подоконниках цвели хризантемы и маленькие розочки, и все кругом дышало домашним уютом и покоем.

Маргарет, старшей из сестер, было шестнадцать, и она была очень хороша собой: полненькая и беленькая, с большими глазами, мягкими темными волосами, прелестным ртом и белыми ручками, которыми она особенно гордилась. Пятнадцатилетняя Джо, очень высокая, худая, смуглая, напоминала жеребенка, так как, казалось, совершенно не знала, что делать со свои-

ми длинными руками и ногами, которые всегда ей мешали. У нее был четко очерченный рот, забавный нос и колючие серые глаза, которые, похоже, видели все сразу и смотрели то свирепо, то насмешливо, то задумчиво. Длинные густые волосы были ее единственной красотой, однако обычно она сворачивала их в узел и укладывала в сетку, чтобы не мешали. Джо была сутулой, с большими кистями рук и стопами, к одежде своей относилась равнодушно и беззаботно. В целом она производила впечатление девочки, которая стремительно превращается в женщину и очень этим недовольна. Элизабет — или Бесс, как все ее называли, — была румяная тринадцатилетняя девочка с гладкими волосами и яркими глазами, застенчивая, робкая, с неизменно кротким выражением лица. Отец называл ее «Маленькая Безмятежность», и это имя отлично ей подходило, ибо она, казалось, жила в своем собственном счастливом мире, решаясь покинуть его лишь для встречи с теми немногими, кому доверяла и кого любила. Эми, хоть и младшая, была самой важной особой в семействе — по крайней мере, в ее собственных глазах. Настоящая снегурочка с голубыми глазами, вьющимися золотистыми волосами, спускающимися на плечи, бледная и стройная, она всегда следила за своими манерами, стараясь вести себя как юная леди. Что же касается характеров четырех сестер — выяснение этого вопроса мы оставим на будущее.

Часы пробили шесть, и, выметая золу из каминна, Бесс положила перед ним домашние туфли

матери, чтобы согреть их. Вид этих старых туфель вызвал у девочек приятные чувства, потому что скоро должна была вернуться мама, и все с радостью готовились встретить ее: Мег перестала отчитывать сестер и зажгла лампу, Эми вылезла из самого удобного кресла, хотя ее даже не просили об этом, Джо забыла о своей усталости и села, чтобы поддержать мамины туфли поближе к огню.

— Маме нужна новая пара, эти совсем сношенные.

— Я куплю ей на мой доллар, — сказала Бесс.

— Нет, я это сделаю! — закричала Эми.

— Я старшая, — начала Мег, но тут решительно вмешалась Джо:

— Пока папы нет, я в семье за мужчину, и я куплю ей туфли, потому что он, уезжая, велел мне заботиться о ней.

— Слушайте, что я придумала, — сказала Бесс. — Пусть каждая из нас сделает ей какой-нибудь подарок на Рождество, а для себя покупать ничего не будем.

— Отлично, дорогая! Как это на тебя похоже! Что же мы купим? — радостно воскликнула Джо.

На минуту все глубоко задумались, затем Мег объявила, так, словно идея была подсказана ей видом ее собственных хорошеньких ручек:

— Я подарю ей пару красивых перчаток.

— Армейские туфли, лучше быть не может! — закричала Джо.

— Несколько носовых платочков, подрубленных и с меткой, — сказала Бесс.

— Я куплю маленькую бутылочку одеколона. Он ей нравится, и к тому же это будет недорого, так что у меня останутся деньги и на карандаши, — добавила Эми.

— А как мы вручим ей подарки? — спросила Мег.

— Положим все на стол, приведем ее и будем смотреть, как она разворачивает свертки, — ответила Джо. — Помните, как это бывало раньше в наши дни рождения?

— Мне всегда было страшно, когда приходил мой черед сидеть в большом кресле с короной на голове и смотреть, как вы все маршируете кругом и вручаете мне подарки с поцелуями. Меня радовали и подарки, и поцелуи, но было просто ужасно, что вы сидите и глядите на меня, пока я разворачиваю подарки, — сказала Бесс, подрумянивая на огне одновременно и свое лицо, и ломтики хлеба к чаю.

— Пусть мама думает, что мы хотим купить подарки для себя, а потом мы устроим ей сюрприз. За покупками придется пойти завтра после обеда. До Рождества остается совсем немного, а нам еще столько всего нужно подготовить для постановки, — сказала Джо, поглядывая на всех свысока и расхаживая взад и вперед по комнате с заложенными за спину руками.

— Я, наверное, в последний раз принимаю участие в постановке. Я становлюсь слишком взрослой для подобных развлечений, — заметила Мег, которая оставалась сущим ребенком, когда дело доходило до всяких шалостей с переодеванием.

— Ну, я уверена, что, пока есть возможность разгуливать в белом платье с распущенными волосами и носить драгоценности из золотой бумаги, ты от этого не откажешься. Ты лучшая актриса среди нас, и, если ты бросишь сцену, нашему театру придет конец, — сказала Джо. — Давайте прямо сейчас проведем репетицию. Эми, иди сюда, разыграем еще раз сцену, где ты падаешь в обморок, а то у тебя в ней такой вид, словно ты аршин проглотила.

— Что ж я могу поделать? Я никогда не видела, как падают в обморок, а грохаться плашмя, как ты, и делаться от этого сплошь в синяках я не собираюсь. Если я не могу опуститься плавно, то уж лучше мне упасть в кресло, и все будет очень изящно. И пусть даже Гуго подходит ко мне с пистолетом, меня это мало волнует, — возразила Эми, которая не обладала драматическим талантом, но получила роль главной героини потому, что была достаточно маленькой, чтобы злодей в пьесе мог утащить ее за кулисы.

— Сделай так: сцепи руки — вот так — и, шатаясь, отступай и отчаянно кричи: «Родриго! Спаси меня! Спаси!» — И Джо продемонстрировала этот маневр с мелодраматическим воплем, от которого дрожь пробирала до костей.

Эми последовала ее примеру, но при этом выставила вперед совершенно прямые руки и двигалась резкими толчками, словно заведенная, а ее «О-о!» наводило на мысль скорее об уколе булавкой, чем о страхе и душевных муках. У Джо вырвался стон отчаяния, Мег открыто за-

смеялась, а Бесс, с интересом заглядевшись на происходящее, дала хлебу подгореть.

— Бесплезно! Ладно, сделай что сможешь, когда придет время, но, если публика будет смеяться, меня не вини. Теперь ты, Мег.

Дальше все пошло гладко: дон Педро, отец героини, бросил вызов миру в речи длиной в две страницы, произнесенной не переводя дыхания; волшебница Хейгар пропела ужасные заклинания над кипящим на медленном огне котелком, полным ядовитых жаб, добываясь тем самым сверхъестественного результата; Родриго, главный положительный герой, решительно разорвал в куски свои цепи, а Гуго, главный злодей, умер в мучениях, вызванных мышьяком и угрызениями совести, с леденящим кровью «ха, ха, ха!».

— Это лучшая из всех наших постановок, — сказала Мег, когда мертвый злодей поднялся и сел, потирая ушибленные локти.

— И как это тебе удастся сочинять и ставить такие замечательные пьесы, Джо? Ты настоящий Шекспир! — воскликнула Бесс, которая твердо верила, что все ее сестры обладают чудесными талантами во всех сферах.

— Ну, не совсем, — отвечала Джо скромно. — Я считаю, что моя опера «Проклятие волшебницы» — неплохая вещь, но я охотно попыталась бы поставить «Макбета»¹, если бы только мы могли устроить на сцене люк для духа Бан-

---

¹ «Макбет» (1606) — трагедия Уильяма Шекспира (1564–1616).

ко. Мне всегда хотелось исполнить роль убийцы. «Кинжал ли вижу пред собою?» — пробормотала Джо, дико вращая глазами и судорожно хватая руками воздух, как это делал какой-то знаменитый трагик, которого она видела однажды в театре.

— Нет, это всего лишь вилка для поджаривания хлеба, а вместо хлеба на ней мамина туфля! — воскликнула Мег, и репетиция закончилась общим взрывом хохота.

— Как это приятно, что я застала вас такими веселыми, девочки мои, — раздался у дверей радостный голос; и актеры и зрители обернулись, чтобы приветствовать высокую женщину с ласковым материнским взглядом и приятным выражением лица, которое, казалось, всегда говорило: «Не могу ли я помочь вам?» — и было поистине восхитительным. Несмотря на скромную одежду, вид у нее был очень благородный, и девочки считали, что под простым серым плащом и немодной шляпкой скрывается самая замечательная мама на свете.

— Ну, дорогие мои, как вы поживали без меня сегодня? У меня было много работы — мы готовили рождественские посылки, так что я не смогла прийти домой на обед. Кто-нибудь заходил, Бесс? Как твой насморк, Мег? Джо, у тебя такой усталый вид. Поцелуй меня, Эми, крошка.

И с этими материнскими расспросами миссис Марч сняла мокрый плащ и шляпку, надела теплые туфли, села в удобное кресло и привлекла

к себе Эми, готовясь провести самые счастливые часы своего полного трудов и забот дня. Девочки засуетились, стараясь — каждая по-своему — сделать все для ее удобства. Мег накрывала на стол, Джо принесла поленья для камина и теперь расставляла стулья, с грохотом роняя и переворачивая все, к чему прикасалась, Бесс тихо и деловито сновала между кухней и гостиной, в то время как Эми сидела сложа руки и давала всем указания.

Когда все уже сидели за столом, миссис Марч сказала с особенно счастливым выражением лица:

— У меня есть чем угостить вас после ужина.

Быстрые, живые улыбки словно солнечный луч пробежали по лицам. Бесс сложила руки, забыв о печенье, которое держала, а Джо подбросила вверх свою салфетку с криком:

— Письмо, письмо! Да здравствует папа!

— Да, чудесное длинное письмо. Он здоров и считает, что перенесет холодное время года гораздо лучше, чем мы думали. Он шлет всем нам самые добрые пожелания к Рождеству и отдельно обращается к вам, девочки, — сказала миссис Марч, прикасаясь к своему карману так, словно там лежало сокровище.

— Быстро доедаем — и все! Хватит тебе, Эми, сгибать мизинчик и жеманиться над тарелкой! — закричала Джо, в спешке заглывая чай и роняя хлеб маслом вниз на ковер.

Бесс больше не могла есть; она снова скользнула в свой темный уголок и, сидя там, размышляла о предстоящем удовольствии.

Наконец все были готовы.

— Это просто замечательно, что папа отправился на войну капелланом, хотя он уже старше призывного возраста и здоровье у него не такое хорошее, чтобы быть солдатом, — сказала Мег с теплотой.

— Как я хотела бы отправиться на войну барабанщиком или *vivan*...¹ Как они там называются?.. Или медсестрой, чтобы я могла быть рядом с папой и помогать ему, — простонала Джо.

— Должно быть, очень неприятно спать в палатке, есть всякую невкусную пищу и пить из жестяной кружки, — вздохнула Эми.

— Когда он вернется домой, мама? — спросила Бесс с чуть заметной дрожью в голосе.

— Не скоро, дорогая, если только не заболееет. Он останется там и будет свято исполнять свой долг столько, сколько сможет, и мы не имеем права просить его вернуться ни одной минутой раньше того момента, когда без него смогут обойтись. А теперь садитесь и слушайте.

Все сели поближе к огню: мама — в большом кресле, Бесс — у ее ног, Мег и Эми уселись с двух сторон на ручках кресла, а Джо прислонилась сзади к спинке, чтобы никто не увидел признаков волнения на ее лице, если письмо окажется трогательным. А лишь немногие из писем, написанных в то тяжелое время, не были трогательными, особенно это касалось тех писем, что

---

¹ *Vivandière* — маркитантка (*фр.*).

посылали домой отцы. В этом письме мало говорилось о переносимых изо дня в день трудностях, о грозящих опасностях или упорно заглушаемой тоске по дому. Это было бодрое, полное надежд послание с живыми описаниями солдатской жизни, походов, военных новостей, и лишь в конце сердце автора переполнялось отцовской любовью и тоской по оставшимся дома дочкам: «Передай им мою глубокую любовь и поцелуй их за меня. Скажи им, что я думаю о них днем, молюсь за них ночью и черпаю лучшее утешение в мыслях об их любви. Целый год предстоит нам ожидать встречи; это такой долгий срок, но напомни им, что, пока мы ждем, мы можем трудиться, и потому эти тяжелые дни не должны пропасть зря. Я знаю, они помнят все, о чем я говорил им, и будут любящими и заботливыми детьми для тебя, будут честно исполнять свой долг, упорно бороться со своими внутренними врагами и побеждать их так решительно и красиво, что, когда я вернусь к ним, я смогу еще сильнее любить моих маленьких женщин и гордиться ими».

Все вздохнули, когда прозвучал этот отрывок письма. Джо не стыдилась огромной слезы, скатившейся на кончик носа, а Эми не обратила внимания на то, что взъерошивает волосы, когда спрятала лицо на плече у матери и всхлипнула:

— Я такая эгоистка! Но я очень постараюсь стать лучше, так что он, может быть, не разочаруется во мне, когда вернется.

— Мы все будем стараться! — воскликнула Мег. — Я знаю, что слишком много думаю о моей внешности и не люблю работать, но больше этого не будет, насколько это в моих силах.

— Я постараюсь стать той «маленькой женщиной», какой он хочет меня видеть, не буду грубой и необузданной и исполню мой долг здесь, дома, вместо того чтобы мечтать оказаться где-нибудь в другом месте, — сказала Джо, думая при этом, что владеть собой, оставаясь дома, окажется для нее куда более трудной задачей, чем встретиться лицом к лицу с одним или двумя мятежниками-южанами.

Бесс не сказала ничего, она просто утерла слезы синим солдатским носком и принялась вязать изо всех сил, чтобы, не теряя времени, начать исполнять свой непосредственный долг. В глубине своей кроткой души она давала себе обещание стать такой, какой надеялся встретить ее отец, когда следующий год принесет ему счастливое возвращение домой.

Миссис Марч нарушила молчание, которое последовало за словами Джо, сказав бодрым голосом:

— Помните, как мы играли в пилигримов, когда вы были маленькими? Как вы радовались, когда я привязывала вам на спину мои мешочки с лоскутками вместо котомок, давала вам шляпы, палки и бумажные свитки с напутствиями и отправляла вас в путешествие по дому из погреба, который был Городом Разрушения, на са-

мую крышу, где из разных красивых вещей мы создавали Небесный Город?¹

— О, как это было замечательно, особенно пробираться мимо львов, сражаться с Аполлионом², проходить через долину злых эльфов! — воскликнула Джо.

— Я очень любила тот момент, когда мы наконец сбрасывали наши котомки и они катились вниз по лестнице, — сказала Мег.

— Мне было приятнее всего, когда все мы выходили на плоскую крышу, где были наши горшки с цветами и прочие красивые вещи, и стояли там и пели от радости в лучах солнца, — сказала Бесс с улыбкой, словно вновь переживая эти прекрасные мгновения.

— А я помню только, что боялась погребка и темной передней, но зато любила молоко и пирожки, которые мы ели на крыше. Если бы я не была теперь слишком взрослой для таких развлечений, то, пожалуй, снова поиграла бы, — сказала Эми, которая заговорила об отка-

---

¹ В основу этой игры лег сюжет религиозно-дидактической поэмы английского писателя и проповедника Джона Беньяна (1628–1688) «Путешествие пилигрима» (1678), излагающей историю тяжкого пути Христиана, героя поэмы, к Небесному Городу, куда он отправляется, убедившись, что город, в котором он жил до сих пор, — Город Разрушения — обречен на гибель. Упоминаемые далее Болото Уныния, Прекрасный Дворец, Ярмарка Тщеславия, Долина Унижения — места, куда попадает на своем пути Христиан.

² Аполлион — чудовище, ангел бездны, преграждающий путь Христиану.

зе от детских забав в зрелом двенадцатилетнем возрасте.

— Дорогая моя, мы никогда не становимся слишком взрослыми для этой игры, потому что так или иначе играем в нее всю свою жизнь. Наши котомки всегда за спиной, наша дорога перед нами, а стремление к добру и счастью — тот проводник, что ведет нас через множество огорчений и ошибок к душевному покою, который и есть настоящий Небесный Город. А теперь, мои маленькие пилигримы, почему бы вам не начать сначала, только не понарошку, а на самом деле, и посмотрим, как далеко вы доберетесь, прежде чем папа вернется домой.

— Ты это серьезно, мама? А где наши котомки? — спросила Эми, которая была очень прозаичной юной особой.

— Каждая из вас уже сказала, какую ношу ей предстоит нести. И только Бесс промолчала. Я думаю, что у нее такой ноши нет, — заметила миссис Марч.

— У меня она тоже есть. Моя ноша — мытье посуды и вытирание пыли, а еще я завидую девочкам, которые могут играть на хорошем фортепьяно, и боюсь людей.

Ноша Бесс оказалась такой забавной, что всем захотелось рассмеяться, но никто не сделал этого, не желая ее обидеть.

— Так двинемся в путь, — сказала Мег задумчиво. — Игра в пилигримов — это просто другое название стремления стать лучше. Может быть, игра поможет нам; ведь хотя мы и хо-

тим быть хорошими, это тяжелый труд для нас, и часто мы забываем о намеченных целях и делаем для их достижения меньше, чем могли бы.

— Сегодня вечером мы сидели в Болоте Уныния, а мама пришла и вытасила нас, словно Надежда в книжке¹. Но нам тоже нужны свитки с напутствиями. Где мы их возьмем? — спросила Джо, в восторге оттого, что эта игра внесет хоть немного романтики в такую скучную задачу, как исполнение долга.

— Загляните под подушку в рождественское утро, и вы найдете там свой путеводитель, — отвечала миссис Марч.

Они обсудили этот новый план, пока старая Ханна убирала со стола. Затем были извлечены четыре маленькие рабочие корзинки, и замелькали иголки — девочки подшивали простыни для тети Марч. Это было совсем не интересное занятие, но в тот вечер никто не роптал. Работа спорилась, так как они приняли предложение Джо: разделить каждый из длинных швов на четыре части, назвать их Европа, Азия, Африка и Америка и, делая стежки на каждой из этих частей, беседовать о разных странах этих континентов.

В девять все прекратили работу и, прежде чем отправиться в постель, пропели хором несколько песен. Никто, кроме Бесс, не мог извлечь мелодичные звуки из старого фортепьяно; лишь она одна знала, как нужно коснуться пожелтевших клавиш, чтобы звучали под музыку те простые пес-

---

¹ То есть в «Путешествии пилигрима».

ни, которые они пели. Голос Мег напоминал звуки флейты; она и мать вели маленький хор. Эми стрекотала как сверчок, а Джо была на седьмом небе от счастья и блуждала там как ей заблагорассудится, вечно умудряясь испортить самую задумчивую мелодию неожиданной трелью или хриплыми низкими звуками. Девочки пели с тех самых пор, как научились говорить, и это вечернее пение стало семейной традицией, ибо мать была прирожденной певицей. Первыми звуками, раздававшимися в доме по утрам, были звуки ее голоса, когда она шла по комнатам, распевая словно жаворонок, и последнее, что слышалось вечером, были те же радующие душу звуки, ибо девочки так и не стали слишком взрослыми, чтобы отказаться от привычной материнской колыбельной.

Глава 2

СЧАСТЛИВОЕ РОЖДЕСТВО

Джо была первой, кто проснулся, когда забрезжил седой рассвет рождественского утра. Ни одного чулка с подарками не висело у камина, и на мгновение она ощутила такое же глубокое разочарование, какое испытала однажды в раннем детстве, когда ее чулок упал, так как был битком набит подарками. Потом она вспомнила об обещании матери, сунула руку под подушку и достала небольшую книжечку в малиновой обложке. Она очень хорошо знала эту книжку, ибо это была прекрасная старая история о замеча-

тельной жизни, лучшей из всех когда-либо прожитых на земле, и Джо всей душой почувствовала, что это настоящий путеводитель для каждого пилигрима, отправляющегося в дальний путь. Она разбудила сестру радостным восклицанием: «Счастливого Рождества, Мег!» — и предложила ей тоже заглянуть под подушку. Оттуда появилась такая же книжка, только в зеленой обложке, с той же самой картинкой внутри и теми же напутственными словами, написанными матерью. Надпись эта делала подарки по-настоящему драгоценными в глазах девочек. Проснувшиеся Бесс и Эми тоже заглянули под подушки и нашли там свои маленькие книжечки — серебристую и голубую, — и теперь все сидели, разглядывая подарки и беседуя, а восток все сильнее разгорался розовым светом приближающегося дня.

Несмотря на некоторую суетность и тщеславие, Маргарет отличалась кротостью и набожностью, чем невольно влияла на сестер, особенно на Джо, которая нежно ее любила и следовала ее советам, так как давались они мягко и с любовью.

— Девочки, — сказала Мег серьезно, переводя взгляд с растрепанной головы рядом с собой на две головки в ночных чепчиках на постели в смежной комнате, — мама хочет, чтобы мы с любовью и вниманием читали эту книгу, и мы должны начать прямо сейчас. Прежде мы добросовестно относились к подобным вещам, но, с тех пор как папа ушел в армию и трудности, связанные с войной, выбили нас из колеи, мы многое стали упускать из виду. Вы, конечно, как хоти-

те, но я буду держать мою книжку здесь, на ночном столике, и читать понемногу каждое утро, как только проснусь. Я уверена, что это принесет мне пользу и будет поддерживать меня в течение всего дня.

Затем она открыла свою новую книжку и начала читать. Джо обняла ее и, прижавшись щекой к ее щеке, тоже погрузилась в чтение со спокойным выражением, которое так редко можно было увидеть на ее подвижном лице.

— Какая умница Мег! Давай, Эми, и мы поступим так же. Я помогу тебе, если встретятся трудные слова, а они объяснят нам, если что-то окажется непонятным, — шепнула Бесс, под глубоким впечатлением от красивых книжек и примера старших сестер.

— Я рада, что моя — в голубой обложке, — пробормотала Эми.

Затем в комнатах воцарилась тишина, которую нарушал лишь шелест переворачиваемых страниц, а зимнее солнце заглядывало в окна, чтобы в ласковом рождественском приветствии коснуться блестящих волос и серьезных лиц.

— А где же мама? — спросила Мег у Ханны, когда полчаса спустя они с Джо сбежали вниз, чтобы поблагодарить мать за подарки. Ханна жила в семье со времени рождения Мег и считалась скорее другом, чем служанкой.

— Да кто ж ее знает! Приходил тут мальчуган какой-то милостыню просить, вот ваша мамаша и пошла прямо к нему домой, чтоб поглядеть, чем там помочь можно. Не было на свете другой

такой женщины, что так раздаривала бы еду да питье, одежду да дрова, — отвечала Ханна.

— Я думаю, она скоро вернется, Ханна, так что все равно грейте булочки и накрывайте на стол, — сказала Мег, выдвигая из-под дивана корзину, где были спрятаны и ожидали своего часа подарки, предназначенные для мамы. — А где же подарок Эми? — спросила она, обнаружив, что флакончика с одеколоном в корзинке нет.

— Она только что вытащила свою бутылочку и унесла, чтобы перевязать ленточкой или что-то в этом роде, — ответила Джо, пританцовывая в новеньких туфлях, чтобы немного размять их, прежде чем вручить маме.

— Красивые у меня получились платочки, правда? Ханна выстирала и выгладила их для меня, а я сама вышила на них метки, — сказала Бесс, с гордостью глядя на не очень ровные буквы, которые стоили ей немалых трудов.

— Вот это да! Она взяла и вышила на них «Мама» вместо «Миссис Марч». Ну и смех! — воскликнула Джо, взяв в руки один из платочков.

— Разве это плохо? Я подумала, что так будет лучше, ведь у Мег те же инициалы — «М. М.», а я хотела, чтобы никто, кроме мамы, не пользовался этими платками, — отозвалась Бесс с обеспокоенным видом.

— Все замечательно, дорогая. Очень хорошая идея, вполне разумная; теперь никто не ошибется. И ей очень понравится, я знаю, — сказала Мег, с неодобрением взглянув на Джо и с улыбкой на Бесс.

— Мама идет! Прячь корзинку, живо! — приказала Джо, когда в передней хлопнула дверь и послышались шаги.

В комнату торопливо вошла Эми; она смутилась, увидев, что все сестры ждут ее.

— Где ты была? И что ты прячешь за спиной? — спросила Мег, удивленная тем, что, судя по капору и плащу, ленивая Эми выходила из дома так рано.

— Только не смейся надо мной, Джо! Я хотела, чтобы никто не узнал раньше времени. Я сбегала и поменяла маленькую бутылочку на большую и отдала за нее все мои деньги. И честное слово, я постараюсь больше не быть такой эгоисткой.

С этими словами Эми показала красивый большой флакон, который заменил прежний, дешевый, и выглядела она такой искренней и смиренной в этом маленьком усилии самоотречения, что Мег тут же обняла ее, а Джо объявила «молодцом», в то время как Бесс подбежала к окну и выбрала самую красивую из своих розочек, чтобы украсить ею внушительный флакон.

— Понимаете, мне стало стыдно за мой подарок, после того как сегодня утром мы говорили и читали о том, как быть хорошими. И как только я встала, сразу побежала в магазин. Я так рада, потому что мой подарок теперь самый красивый!

Снова послышался стук парадной двери — и корзинка исчезла под диваном, а девочки поспешили к столу, который уже был накрыт к завтраку.

— Счастливого Рождества, мама! Спасибо за книжки! Мы уже читали их сегодня и будем делать это каждое утро! — закричали они хором.

— Счастливого Рождества, доченьки! Я очень рада, что вы сразу начали читать, и надеюсь, что будете возвращаться к этой книге снова и снова. Но прежде чем мы сядем за стол, я хочу кое-что сказать вам. В одном из домов неподалеку отсюда лежит бедная женщина с новорожденным младенцем. Шесть ее детишек, съезжившись, прижались друг к другу в одной постели, чтобы не замерзнуть, потому что у них нет дров. В доме нет никакой еды, и старший мальчик пришел сказать мне, что они страдают от голода и холода. Девочки мои, вы согласны подарить им на Рождество свой завтрак?

Девочки были голодны более обычного, после того как прождали завтрак целый час, и с минуты все молчали — только минутой, а потом Джо воскликнула с жаром:

— Как хорошо, что ты пришла прежде, чем мы начали есть!

— Можно я пойду с тобой и помогу отнести еду этим бедным детям? — спросила Бесс горячо.

— Я понесу сливки и булочки, — добавила Эми, героически отказываясь от того, что больше всего любила.

Мег уже накрывала горшочек с гречневой кашей и складывала ломтики хлеба в одну большую тарелку.

— Я знала, что вы поступите именно так, — сказала миссис Марч с улыбкой удовлетворе-

ния. — Мы пойдем все вместе, и вы поможете мне, а когда вернемся, то позавтракаем хлебом и молоком.

Вскоре все были готовы и двинулись в путь. К счастью, время было раннее и шли они по маленьким улочкам, так что лишь немногие видели их и никто не посмеялся над этой странной процессией.

И вот — жалкая, голая комната с выбитыми стеклами, без огня, лохмотья на постели, больная мать, плачущий младенец и несколько бледных, голодных детей, скорчившихся от холода под одним старым одеялом. Как засияли большие глаза и заулыбались посиневшие губы этих детей, когда девочки вошли в комнату!

— Mein Gott!¹ Добрые ангелы пришли к нам! — воскликнула бедная женщина, заплакав от радости.

— Ну и ангелы! В капорах и в перчатках! — сказала Джо, и все рассмеялись.

Через несколько минут и в самом деле могло показаться, что за дело взялись добрые дүхи. Ханна, которая принесла с собой полено, развела огонь, заткнула разбитые стекла старыми шляпами и занавесила собственным плащом. Миссис Марч дала больной чаю и жидкой овсянки и теперь, сидя рядом с ней, утешала ее обещаниями помощи и пеленала младенца с такой нежностью, как если бы он был ее собственным. Тем временем девочки распаковали провизию,

---

¹ Мой Бог! (нем.)

усадили детей у огня и кормили их словно голодных птенцов, смеясь, болтая и пытаясь понять забавно исковерканный английский.

— *Das ist gut! Die Engel-Kinder!*¹ — восклицали бедняжки, пока ели и грели свои красные руки у уютно потрескивавшего пламени.

Девочек никогда еще не называли ангелами, и они нашли это очень приятным, особенно Джо, которую считали Санчо² с самого ее рождения. И хотя они ничего не ели, это был их самый счастливый завтрак, а когда они ушли, то оставили за собой тепло и уют. И я думаю, что не было в тот день во всем городе четырех более веселых людей, чем эти четыре голодные девочки, которые отказались от завтрака и поели в то рождественское утро лишь хлеба с молоком.

— Вот это и значит любить ближнего больше, чем себя самого, и мне это нравится, — сказала Мег, когда они снова достали из-под дивана корзину с подарками, пока мать наверху собирала одежду для бедного семейства Хаммелей.

Конечно, подарки не являли собой великолепного зрелища, но сколько любви было вложено в эти четыре маленьких свертка и какой праздничный вид придавала столу, на котором они лежали, высокая ваза с красными розами, белыми хризантемами и зелеными веточками петунии!

---

¹ Хорошо! Дети-ангелы! (*нем.*)

² Санчо Панса — верный оруженосец Дон-Кихота, персонаж знаменитого романа Сервантеса (1547–1616).

— Идет! Начинай, Бесс! Открывай дверь, Эми! Да здоровствует мама! — вскричала Джо, пританцовывая и подбегая следом за Мег к двери.

Бесс заиграла самый веселый марш, Эми распахнула дверь, а Мег торжественно провела мать к почетному месту. Миссис Марч была удивлена и тронута. Глаза ее наполнились слезами радости, и она, улыбаясь, рассматривала подарки и читала приложенные к ним записочки. Туфли были немедленно надеты, новый носовой платочек надушен одеколоном Эми и положен в карман, а о красивых перчатках сказано, что они «ну совсем как раз». Немало было здесь смеха, поцелуев, веселых объяснений — и все это в той простой, уютной, исполненной любви домашней атмосфере, которая делает семейные праздники такими приятными и заставляет с нежностью вспоминать о них долгие годы.

А потом все принялись за работу. Посещение Хаммелей и церемония вручения подарков заняли так много времени, что весь остаток дня пришлось посвятить приготовлениям к вечернему спектаклю. Все еще слишком юные, чтобы часто посещать театр, и не такие богатые, чтобы позволить себе большие расходы, девочки пускали в ход всю свою изобретательность и — нужда всему научит — сами делали все, что было необходимо для домашних представлений. Некоторые из их изобретений были весьма удачными: гитары из досок для разделки теста; старинные лампы из старомодных масленок, обернутых серебряной бумагой; великолепные платья из ста-

рых ситцевых, с пришитыми к ним сверкающими кусочками жестяных консервных банок; доспехи, покрытые вырезанными в форме ромбов кусочками тех же очень полезных жестянок. Мебель обычно использовали не по прямому назначению, а переворачивая ее вверх дном, и большая гостиная оказывалась сценой множества невинных развлечений.

Никакие мальчишки к участию в представлениях не допускались, так что Джо могла исполнять мужские роли сколько душе угодно и всегда с огромным удовлетворением надевала пару сапог из некрашеной кожи, подаренных ей одним из друзей, который был знаком с одной дамой, близко знавшей настоящего актера. Эти сапоги, старая рапира и камзол с разрезами, однажды использованный каким-то художником, писавшим историческую картину, были главными сокровищами Джо и неизменно появлялись на сцене в каждом спектакле.

Ограниченность численного состава труппы делала необходимым для двух главных актеров играть по нескольку ролей в каждой постановке, и они, конечно же, заслуживали похвал за тяжкий труд, который принимали на себя, разучивая по три или четыре роли, молниеносно меняя костюмы во время представления и успевая вдобавок управляться с переменной декораций. Это являлось как великолепной тренировкой памяти, так и безобидным развлечением, занимавшим немало часов, которые иначе оказались бы скучными, ничем не заполненными или проведенными в менее благотворных занятиях.

В рождественский вечер около десятка девочек набилось в кровать, изображавшую бельэтаж, и сидело там перед желто-голубым занавесом из мебельного ситца в самом лестном для актеров состоянии нетерпеливого ожидания. За занавесом было немало шорохов и шепота, несколько раз доносилось хихиканье возбужденной Эми, зрители чувствовали запах дыма от керосиновой лампы. Наконец прозвенел звонок, занавес раздвинулся, и спектакль начался.

«Мрачный лес», обещанный театральной программкой, был изображен несколькими комнатными растениями в горшках, куском зеленого сукна на полу и пещерой на заднем плане. Пещера была сделана из двух письменных столов вместо стен и рамы для сушки белья вместо крыши. В ней виднелась маленькая печь с черным котелком на фоне ярко пылающего огня, над которым склонялась старая волшебница. На сцене было темно, и жар печи произвел великолепное впечатление, особенно потому, что, когда волшебница приподняла крышку, из котелка повалил настоящий пар. Выдержав минутную паузу, чтобы улеглось первое волнение среди публики, вошел Гуго, злодей с черной бородой, позвякивающим мечом на боку, в фетровой шляпе с большими опущенными полями, в широком плаще и сапогах из некрашеной кожи. Походив взад и вперед по сцене в большом волнении, он ударил себя по лбу и, не в силах сдержать неистовую страсть, запел о своей ненависти к Родриго, любви к Заре и решимости убить первого и добиться любви от второй. Грубо-

ватые звуки голоса Гуго, переходящие иногда от избытка чувств в крик, произвели глубокое впечатление, и в тот момент, когда он остановился, чтобы перевести дух, зрители бурно зааплодировали. Поклонившись с видом человека, привыкшего к сценическому успеху, Гуго приблизился к пещере и обратился к волшебнице Хейгар с приказом: «Эй ты, старуха! Выходи! Ты мне нужна!»

Появилась Мег с длинными седыми волосами из конского хвоста, в красно-черном платье, с посохом в руке и каббалистическими знаками на плаще. Гуго потребовал у нее одного зелья, чтобы заставить Зару полюбить его, и другого, чтобы известить Родриго. Хейгар в прекрасной, исполненной драматизма арии пообещала ему то и другое и приступила к вызову духа, способного доставить любовный напиток:

Дух любви, из роз рожденный,
Сладкой вскормленный росой,
Чудной властью наделенный
Над любой людской судьбою.
Я к тебе, о дух, взываю:
Где волшебная вода?
Я тебя с ней ожидаю.
Дух любви, сюда, сюда!

Нежная мелодия отзвучала, и в задней части пещеры появилась маленькая фигура в чем-то белом, со сверкающими крыльями и золотыми волосами, украшенными венком из роз. Взмахнув золотым жезлом, это видение запело:

Из страны сладких грез
Я напиток принес.
Но навек ты запомнить должна:
Для добра одного
Служит сила его,
А иначе иссякнет она.

И, уронив маленькую позолоченную бутылочку к ногам волшебницы, дух исчез. Новая песнь Хейгар вызвала появление другого призрака — на этот раз совсем не привлекательного, ибо из пещеры с шумом появился противный черный чертенок и, прокричав свой ответ, швырнул в Гуго черную бутылочку и исчез с издевательским смехом. Мелодично излив свою благодарность и засунув обе бутылочки за голенца сапог, Гуго удалился, а Хейгар сообщила публике, что в прошлом он убил нескольких ее друзей и поэтому она прокляла его и намерена отомстить, разрушив все его планы. Вслед за этим занавес закрылся, и в перерыве публика отдыхала, ела печенье и обсуждала достоинства оперы.

Довольно долго со сцены доносился стук молотка, но, когда занавес вновь раздвинулся и стало очевидным, какой шедевр плотницкого искусства был возведен за время антракта, никто не посмел жаловаться на задержку. Зрелище было поистине великолепным! До самого потолка поднималась башня, а посередине ее располагалось освещенное лампой окно, в котором из-за белой занавески появилась в прелестном голубо-

вато-серебристом платье Зара, ожидающая Родриго. И он появился — в великолепном наряде, в шляпе с перьями, в красном плаще, с выпущенным на лоб каштановым локоном, с гитарой и, разумеется, в тех же самых сапогах из некрашеной кожи, в которых в первом действии появлялся Гуго. Преклонив колено у подножия башни, он запел чувствительнейшую серенаду. Зара отвечала и, после музыкального диалога, согласилась на побег. И тут произошла самая эффектная сцена спектакля. Родриго извлек из кармана веревочную лестницу, забросил наверх один конец и предложил Заре спуститься. Она робко выскользнула из-за решетки окна, положила руку на плечо Родриго и уже собиралась грациозно спрыгнуть вниз, когда — увы, бедняжка Зара забыла о своем шлейфе, и он зацепился за окно — башня зашаталась, наклонилась вперед и, упав с грохотом, погребла несчастных влюбленных в развалинах! Раздался всеобщий вопль, над руинами отчаянно задергались ноги в сапогах из некрашеной кожи, а рядом с ними появилась золотистая головка, восклицающая: «Я тебе говорила! Я тебе говорила!» В этот момент в дело с удивительным присутствием духа вмешался дон Педро, жестокосердный родитель Зары. Он извлек свою дочь из-под развалин, коротко заметив: «Не смейся! Играй как ни в чем не бывало!» — а затем приказал Родриго встать и с гневом и презрением изгнал его из своего королевства. Хотя и явно потрясенный падением башни, Родриго не повиновался величественно-

му старцу и отказался двинуться с места. Своим примером неустрасимый возлюбленный зажег Зару: она также бросила вызов своему суровому родителю, и в результате он отправил обоих в глубочайшее подземелье замка. Явился маленький, толстенный и румяный стражник с цепями и увел влюбленных, имея при этом очень испуганный вид и, очевидно, забыв речь, которую ему надлежало произнести.

Третье действие разворачивалось в одном из залов замка, куда явилась Хейгар, чтобы освободить влюбленных и разделаться с Гуго. Услышав его шаги, она прячется и наблюдает, как он выливает содержимое волшебных бутылочек в два кубка вина и приказывает маленькому робкому слуге: «Снеси то пленникам в темницу и передай, что скоро я приду». Слуга отводит Гуго в сторону, чтобы что-то сказать ему, а тем временем Хейгар заменяет отравленные кубки на другие, безвредные. Фердинандо, слуга, уносит их, а Хейгар выставляет обратно на стол кубок, в котором находился предназначенный для Родриго яд. Гуго, возжаждавший после долгих трелей, выпивает его, теряет рассудок и, после продолжительного сжимания кулаков и топанья ногами, падает плашмя и умирает, в то время как Хейгар в арии, исполненной исключительной силы и мелодичности, сообщает ему о том, что она сделала.

Это была по-настоящему захватывающая сцена, хотя некоторые, возможно, сочли, что неожиданно выбившиеся из-под шляпы в огромном количестве густые длинные волосы изрядно

испортили впечатление от смерти злодея. Публика громко вызывала Гуго, и он с большим достоинством выходил кланяться, ведя за руку Хейгар, чье пение рассматривалось как самое замечательное в спектакле, более замечательное, чем все остальное, вместе взятое.

Четвертое действие представляло отчаявшегося Родриго на грани самоубийства после сообщения о том, что Зара изменила ему. Но в последний момент, уже приставив кинжал к сердцу, он слышит под окном прелестную песню, из которой узнает, что Зара верна ему, но находится в опасности и что он может спасти ее, если пожелает. В окно брошен ключ, который откроет дверь, и в порыве восторга Родриго рвет свои цепи и бросается вон из темницы, чтобы найти и спасти возлюбленную.

Пятое действие открывалось бурной сценой между Зарой и доном Педро. Он требует, чтобы она удалилась в монастырь, но она не желает и слышать об этом и, излив трогательные мольбы, готова лишиться чувств, когда врывается Родриго и требует ее руки. Но он беден, и дон Педро отказывает ему. Герои отчаянно кричат и жестикулируют, но никак не могут прийти к согласию, и Родриго уже собирается унести измученную Зару, когда входит робкий слуга с письмом и мешком от Хейгар, которая таинственно исчезла. В письме она объявляет присутствующим, что завещает юной паре несметные богатства, и угрожает обречь на ужасную кончину дону Педро, если он будет противиться

их счастью. Мешок развязан, и жестяные деньги сыплются на сцену, пока вся она не начинает блестеть, поражая великолепием. Это окончательно обезоруживает «сурового родителя». Он уступает без звука, все сливаются в радостном хоре, и занавес закрывает влюбленных, опустившихся на колени, чтобы получить благословение дона Педро, в позах, исполненных самой романтической грации.

Последовавшие бурные аплодисменты натолкнулись на неожиданное препятствие, ибо складная кровать, на которой был возведен «бельэтаж», неожиданно закрылась и тем подавила энтузиазм публики. Родриго и дон Педро бросились на помощь, и все были извлечены целыми и невредимыми, хотя многие не могли говорить от хохота. Едва волнение улеглось, как появилась Ханна с поздравлениями от миссис Марч и приглашением к ужину.

Приглашение явилось приятным сюрпризом даже для актеров, а когда они увидели стол, то переглянулись в изумлении и восторге. Конечно, мама часто старалась устроить для них маленькое угощение, но столь великолепное пиршество, как это, было неслыханным с давно ушедших в прошлое дней достатка. Здесь было мороженое, и даже двух видов — розовое и белое, торт, фрукты и совершенно умопомрачительные французские конфеты, а в центре стояли четыре больших букета оранжерейных цветов!

Все были поражены и, затаив дыхание, уставились сначала на стол, а затем на миссис Марч,

которая, судя по ее виду, необычайно наслаждалась происходящим.

— Кто это сделал? Феи? — спросила Эми.

— Это Санта-Клаус¹, — сказала Бесс.

— Это мама! — И Мег улыбнулась самой нежной улыбкой, несмотря на свою седую бороду и лохматые белые брови.

— У тети Марч было хорошее настроение, и она прислала нам этот ужин! — воскликнула неожиданно осененная этой мыслью Джо.

— Не угадали. Это прислал старый мистер Лоренс, — улыбнулась в ответ миссис Марч.

— Мистер Лоренс! Да как это ему такое в голову пришло! Ведь мы его совсем не знаем! — воскликнула Мег.

— Ханна рассказала одному из его слуг о вашем сегодняшнем завтраке. Мистер Лоренс немного странный старик, но то, что он услышал от слуги, ему понравилось. Много лет назад он был знаком с моим отцом и сегодня прислал мне любезную записку, в которой выразил надежду, что я позволю ему проявить дружеские чувства к моим детям и передать им небольшое угощение в честь праздника. Я не могла отказать, и поэтому сегодня у вас будет небольшой вечерний пир, чтобы возместить скудный завтрак.

— Это его внук подал ему такую идею, я точно знаю! Он отличный парень, и я очень хотела бы познакомиться с ним поближе. Похоже, он и сам

---

¹ Рождественский Дед Мороз, приносящий подарки детям.

не прочь с нами подружиться. Только он очень застенчивый, а Мег такая церемонная, что не позволяет мне заговорить с ним, когда мы проходим мимо, — сказала Джо, когда блюда пошли по кругу и мороженое начало исчезать на глазах под охи и ахи восторга.

— Вы говорите о ваших соседях, которые живут в большом каменном доме, да? — спросила одна из приглашенных. — Моя мама знает старого мистера Лоренса. Она говорит, что он очень гордый и не желает общаться с соседями. И внука своего он держит взаперти и заставляет целыми днями учиться. Мальчик только иногда ездит верхом или гуляет со своим наставником. Мы однажды пригласили его на вечеринку, но он не пришел. Мама говорит, что он очень милый, но он никогда не разговаривает с нами, девочками.

— Когда наша кошка как-то раз убежала в их сад, он принес ее назад, и мы с ним поговорили у забора — про крикет¹ и все такое — и отлично поладили, но как только он увидел, что Мег идет, так сразу ушел. Но я все равно собираюсь познакомиться с ним поближе, потому что ему одиноко и грустно, я в этом уверена, — сказала Джо решительно.

— Мне нравятся его манеры, он выглядит как настоящий юный джентльмен; так что я не возражаю, чтобы вы познакомились с ним, если пред-

---

¹ Крикет — игра на травяном поле, в которой участники двух команд ударами биты по мячу стараются большее число раз загнать его в ворота противника.

ставится подходящий случай. Он сам принес эти цветы, и я охотно пригласила бы его зайти, если бы точно знала, что происходит тут у вас наверху. У него был такой печальный вид, когда он уходил, слыша звуки веселья, которого явно лишен сам.

— Какое счастье, что ты не пригласила его зайти, мама! — засмеялась Джо, глядя на свои сапоги. — Но ничего, потом мы поставим другую пьесу, такую, что и он сможет увидеть или даже принять участие в спектакле. Весело будет, правда?

— Я никогда не видела таких цветов! Какие красивые! — Мег разглядывала букеты с большим интересом.

— Просто прелесть! Но все же мне милее розы Бесс, — сказала миссис Марч, нюхая уже начинающий вянуть букетик, приколотый к ее платью.

Бесс прижалась к ней и шепнула нежно:

— Как я хотела бы, чтобы можно было послать мой букет папе. Боюсь, у него не такое веселое Рождество, как у нас.

Глава 3

ВНУК МИСТЕРА ЛОРЕНСА

— Джо! Джо! Где ты? — кричала Мег с нижней ступеньки чердачной лестницы.

— Здесь! — отозвался сверху хриплый голос, и, взбежав на чердак, Мег нашла там сестру, которая лежала, закутавшись в шерстяной платок, на старом трехногом диване возле освещенного

солнцем окна, грызла яблоко и заливалась слезами над «Наследником Рэдклиффа»¹. Чердак был излюбленным убежищем Джо, и сюда она обычно удалялась с полудюжиной яблок и хорошей книжкой, чтобы насладиться тишиной и обществом ручной крысы по прозвищу Скрэбл², которая жила поблизости и ничуть не возражала против присутствия Джо. Когда появилась Мег, Скрэбл юркнула в свою норку, а Джо смахнула слезы со щек и приготовилась выслушать новости.

— Такая радость! Только взгляни! Настоящий пригласительный билет! От миссис Гардинер, на завтрашний вечер! — восклицала Мег, размахивая драгоценной бумажкой, а затем с восторгом прочла ее вслух: — «Миссис Гардинер будет рада видеть мисс Маргарет Марч и мисс Джозефину Марч в своем доме на небольшом ужине с танцами по случаю Нового года». Мама согласна нас отпустить, но что мы наденем?

— Что ты спрашиваешь, когда и так знаешь, что мы наденем наши поплиновые платья, потому что других у нас нет, — отвечала Джо с набитым ртом.

— Жаль, что у меня нет шелкового, — вздохнула Мег. — Мама говорит, что, может быть, получу шелковое, когда мне исполнится восемнадцать. Но ждать два года... Это целая вечность!

---

¹ «Наследник Рэдклиффа» (1853) — повесть английской писательницы Шарлотты Янг (1823–1901).

² От английского слова scrabble — скрестись, царапаться.

— Я уверена, что наши поплиновые выглядят ничуть не хуже шелковых, и для нас они вполне сойдут. Твое совсем как новое, только вот я забыла, что прожгла свое сзади. Хоть дырка и залатана, здорово заметно. Что же мне делать?

— Тебе придется сидеть смиренно и не поворачиваться спиной, а спереди все в порядке. У меня будет новая лента для волос, мама даст мне надеть свою булавку с жемчугом, а мои новые туфли — просто прелесть, и перчатки сойдут, хотя они и не такие красивые, как мне хотелось бы.

— Мои испорчены лимонадом, а новых взять негде, так что придется пойти без перчаток, — сказала Джо, которую никогда особенно не волновали ее туалеты.

— Ты должна быть в перчатках, иначе я не пойду, — решительно заявила Мег. — Перчатки даже важнее, чем все остальное. Без перчаток не ходят на танцы, и, если бы ты пошла без перчаток, это было бы таким унижением для меня!

— Но я же все равно не буду танцевать. И вообще, не люблю я бальные танцы. Что за удовольствие семенить под ручку по комнате! Я люблю скакать и выкидывать коленца.

— Ты не можешь просить у мамы новые перчатки; они такие дорогие, а ты такая неаккуратная. Когда ты испортила вторую пару, она сказала, что больше не купит тебе перчаток в эту зиму. Нельзя ли все-таки как-нибудь обойтись этой парой? — спросила Мег с тревогой.

— Я могу зажать их в руке, и никто не увидит, что на них пятна. Это все, что я могу сде-

лать... Нет! Слушай, как мы можем устроиться: каждая наденет одну хорошую, а в руке будет нести одну плохую. Понимаешь?

— У тебя руки больше моих, и ты ужасно растянешь мою перчатку, — начала Мег, для которой перчатки всегда были большим вопросом.

— Тогда я пойду без перчаток. И наплевать мне, что скажут люди! — воскликнула Джо, снова взявшись за книгу.

— Хорошо, хорошо, я дам тебе мою! Только не сажай на нее пятен и веди себя прилично. Не закладывай руки за спину, не вытаращивайся ни на кого и воздержись от этой своей любимой присказки «Христофор Колумб!»¹, хорошо?

— Не волнуйся за меня. Я постараюсь держаться как можно чопорнее и не попаду ни в какие переделки, если, конечно, смогу. Теперь иди и ответь на приглашение, а мне дай дочитать эту замечательную историю.

И Мег отправилась, чтобы «принять с благодарностью» приглашение, оглядеть свое платье и, счастливо распевая, пришить к нему свою единственную рюшечку из настоящих кружев, пока Джо кончала свою книжку, четыре яблока и возню со Скрэбл.

Накануне Нового года в гостиной не было ни души, потому что обе младшие девочки присутствовали в качестве камеристок в комнате старших, поглощенных крайне важным делом — при-

---

¹ Христофор Колумб (1451–1506) — мореплаватель, считается первооткрывателем Америки.

готовлениями к вечеринке. При всей простоте их туалетов было немало беготни вверх и вниз по лестнице, смеха, болтовни, а на некоторое время дом даже наполнился сильным запахом паленых волос. Мег пожелала иметь несколько кудряшек надо лбом, и Джо зажала завернутые в бумажки пряди волос горячими щипцами.

— Разве должно так пахнуть? — спросила Бесс, усевшаяся на спинку кровати.

— Это влага высыхает, — пояснила Джо.

— Какой странный запах! Похоже на паленую курицу, — заметила Эми, с видом превосходства поглаживая свои собственные красивые локоны.

— Ну вот, а теперь я сниму бумажки — и вы увидите пушистое облако мелких колечек, — объявила Джо, отложив щипцы.

Она сняла бумажки, но обещанного «облака колечек» не оказалось — обожженные волосы остались в бумажках, и перепуганная парикмахерша положила целый ряд маленьких обгоревших комочков на туалетный столик перед своей жертвой.

— О-о-о! Что ты наделала! Все испортила! Как я теперь пойду? О, мои волосы! — причитала Мег, с отчаянием глядя на неровные завитки надо лбом.

— Не везет мне, как всегда! Зря ты меня попросила это сделать. Вечно-то я все испорчу. Ох, как мне жаль! Но щипцы оказались слишком горячими, и вот — я такое устроила! — стонала бедная Джо, взирая со слезами раскаяния на лежащие на столе черные блинчики.

— Ничего не испорчено, просто подкрути их и завяжи лентой так, чтобы концы чуть-чуть свисали на лоб, и будет выглядеть как по последней моде. Я видела, так многие девочки носят, — сказала Эми в утешение.

— Так мне и надо за то, что хочу быть элегантной. Лучше бы я оставила свои волосы в покое! — воскликнула Мег с досадой.

— Я тоже так думаю; они были такие гладкие и красивые. Но они скоро снова отрастут, — сказала Бесс, подбегая, чтобы поцеловать и утешить бедную стриженую овечку.

После разнообразных, не столь значительных неудач Мег была наконец готова, и объединенными усилиями всего семейства Джо была облачена в платье, а ее волосы уложены в высокую прическу. Обе выглядели очень хорошо в своих простых платьях — Мег в серебристо-сером, с кружевной рюшечкой и жемчужной булавкой, с синей бархатной лентой на голове, а Джо — в темно-бордовом, с жестким, почти мужским льняным воротничком и белой хризантемой в качестве единственного украшения. Каждая надела одну хорошую чистую перчатку и держала в руке другую, испачканную, и все сошлись на том, что вид у них был «вполне изящный и непринужденный». Туфли Мег на высоких каблуках были очень тесными и жали, хотя она и не признавалась в этом, а все девятнадцать шпилек в волосах Джо, казалось, впивались ей прямо в голову, что было не совсем приятно — но, Боже мой, будем элегантны или умрем!

— Желая вам весело провести время, дорогие мои! — сказала миссис Марч, когда сестры легкой походкой двинулись по дорожке. — Не ешьте много за ужином и возвращайтесь в одиннадцать, когда я пришлю за вами Ханну. — Ворота уже захлопнулись за ними, но из окна снова донесся голос: — Девочки, девочки! А носовые платки вы не забыли?

— Все в порядке, платки чистые, а у Мег даже надушен одеколоном! — крикнула Джо, добавив со смехом, когда они зашагали дальше: — Мама наверняка спросила бы нас об этом, даже если бы мы выскакивали из дома во время землетрясения.

— Это одна из ее аристократических склонностей. И такая забота вполне обоснованна, так как настоящую леди всегда узнаешь по чистым ботинкам, перчаткам и носовому платку, — отозвалась Мег, у которой было немало собственных маленьких «аристократических склонностей».

— Так не забудь, Джо: постарайся, чтобы никто не видел твое платье сзади. Как мой пояс, в порядке? А волосы очень плохо выглядят? — спросила Мег, когда наконец отвернулась от зеркала в гардеробной дома миссис Гардинер после продолжительного охорашивания.

— Я непременно о чем-нибудь забуду. Как увидишь, что я делаю что-то не то, подмигни мне, ладно? — отозвалась Джо, резко дернув свой воротничок и торопливо поправляя волосы.

— Нет, подмигивать — это неженственно. Я приподниму брови, если что-то не так, или

кивну, если все в порядке. А теперь держи спину прямо и делай маленькие шаги. И если тебе кого-нибудь представят, не пожимай ему руку — дамам это не подходит.

— И как ты все это запомнила? Я вот никак не могу. Какая веселая музыка, а?

Они спустились вниз, чувствуя себя несколько неуверенно, так как редко бывали в обществе и даже такая скромная вечеринка, как эта, была для них большим событием. Миссис Гардинер, величавая пожилая дама, любезно приветствовала их и подвела к старшей из своих шести дочерей. Мег была знакома с Салли и очень скоро почувствовала себя непринужденно, но Джо, которую мало интересовали девочки и девичья болтовня, стояла в стороне, предусмотрительно повернувшись спиной к стене, и чувствовала себя так же не на месте, как жеребенок в оранжерее. Несколько мальчиков оживленно беседовали о коньках в другом конце зала, и ей очень захотелось подойти и присоединиться к ним, так как коньки были для нее одной из утех жизни. Она телеграфировала о своем желании сестре, но брови Мег взлетели вверх в такой тревоге, что Джо не осмелилась двинуться с места. Никто не заговорил с ней; стоявшие поблизости девочки отходили одна за другой, пока Джо не осталась в одиночестве. Она не могла побродить по залу и развлечься, так как при этом взорам всех открывалось бы испорченное полотнище юбки, так что она стояла и довольно печально глядела на окружающих.

Начались танцы. Мег сразу была приглашена, и тесные туфли замелькали так проворно, что никто даже не догадывался о боли, которую их обладательница переносила с улыбкой. Джо увидела, что высокий рыжий юноша приближается к ее уголку, и, испугавшись, как бы он не вздумал пригласить ее, быстро скользнула в задернутую шторой нишу, в надежде, что сможет подглядывать оттуда и спокойно и приятно провести вечер. К несчастью, некто застенчивый уже избрал для себя убежищем эту нишу, и когда штора упала за спиной Джо, она обнаружила, что очутилась лицом к лицу с внуком мистера Лоренса.

— Ох, я не знала, что здесь кто-то есть! — пробормотала Джо, запнувшись и собираясь вылететь так же быстро, как влетела.

Но мальчик засмеялся и сказал любезно, хотя и выглядел при этом несколько встревоженным:

— Ничего страшного, оставайтесь, если хотите.

— Я вам не помешаю?

— Ничуть. Я зашел сюда просто потому, что почти никого здесь не знаю, и, понимаете, почувствовал себя как-то неловко сначала.

— Со мной то же самое. Не уходите, пожалуйста, если, конечно, я вам не мешаю.

Мальчик снова сел, молча уставившись на свои лакированные бальные туфли. Наконец Джо сказала, стараясь быть вежливой и побороть смущение:

— Кажется, я имела удовольствие встречать вас прежде. Вы наш сосед, не правда ли?

— Сосед. — Он поднял глаза и засмеялся, ибо церемонные манеры Джо показались ему довольно забавными, когда он вспомнил, как они болтали о крикете у забора в тот день, когда он принес убежавшую кошку.

Джо сразу почувствовала себя непринужденно. Она тоже засмеялась и сказала самым дружеским тоном:

— Мы чудесно провели время за ужином, который вы прислали нам на Рождество.

— Это дедушка прислал.

— Но вы подали ему эту идею, правда?

— А как поживает ваша кошка, мисс Марч? — спросил мальчик, стараясь смотреть серьезно, хотя его черные глаза светились озорством.

— Отлично, спасибо, мистер Лоренс, но я не мисс Марч, а всего лишь Джо, — отвечала юная леди.

— А я не мистер Лоренс, а просто Лори.

— Лори Лоренс — какое странное имя!

— Мое настоящее имя Теодор, но я его не люблю, потому что приятели зовут меня Дорой. Поэтому я заставил их называть меня Лори.

— Я тоже терпеть не могу свое имя — такая сентиментальщина! Я хотела бы, чтобы все говорили Джо вместо Джозефина. А как вам удалось добиться, что мальчишки перестали называть вас Дорой?

— Я их лупил.

— Я не могу отлупить тетю Марч, так что мне, наверное, придется терпеть и дальше. — И Джо со вздохом покорила судьбе.

— Вы не любите танцевать, мисс Джо? — спросил Лори; судя по его виду, он счел, что это имя ей отлично подходит.

— Очень люблю, но только если много места и все просто веселятся. А в таком зале, как этот, я непременно что-нибудь опрокину, наступлю кому-нибудь на ногу или сделаю еще что-нибудь ужасное, так что я стараюсь держаться подальше от греха и предоставляю Мег одной порхать по залу. А вы танцуете?

— Иногда. Понимаете, я несколько лет прожил за границей, а здесь еще мало бывал в обществе и не знаю, как у вас танцуют.

— За границей! — воскликнула Джо. — О, расскажите! Я так люблю, когда рассказывают о путешествиях.

Лори, казалось, не знал, с чего начать, но заинтересованные вопросы Джо вскоре помогли ему, и он рассказал ей о том, как жил при школе в Веве¹, где мальчики никогда не носили шляп и катались на лодках по озеру, а каникулы проводили, путешествуя пешком по Швейцарии со своими учителями.

— Как бы я хотела там пожить! — воскликнула Джо. — А в Париже вы были?

— Мы провели там всю прошлую зиму.

— И вы умеете говорить по-французски?

— В школе нам не разрешали говорить ни на каком другом языке.

---

¹ Вевé — городок в Швейцарии, расположенный на берегу Женевского озера.

— Скажите что-нибудь! Я могу читать по-французски, но произносить не умею.

— Quel nom a cette jeune demoiselle en les pantoufles jolies?¹ — сказал Лори добродушно.

— Как это у вас здорово выходит! Дайте подумать... Вы сказали: «Кто эта молодая девушка в красивых туфлях», да?

— Oui, mademoiselle².

— Это моя сестра Маргарет. Вы знали, что это она? Вы думаете, что она красивая?

— Да, она напомнила мне немецких девушек. Она такая приятная, спокойная и прекрасно танцует.

Джо даже зарумянилась от удовольствия, услышав эту похвалу сестре, и постаралась запомнить, чтобы потом повторить Мег. Оба выглядывали из-за шторы, критиковали и просто болтали, пока не почувствовали себя как старые добрые знакомые. Застенчивость Лори скоро прошла, так как мальчишеские манеры Джо забавляли его и позволяли ему держаться свободно, а Джо была опять такой же веселой, как всегда, ибо платье ее было забыто и никто не поднимал бровей в знак неудовольствия. Внук мистера Лоренса нравился ей все больше, и она несколько раз внимательно взглянула на него, чтобы суметь потом подробно описать его сестрам. У них не было братьев и было очень мало кузенов, и по-

---

¹ Как зовут эту молодую девушку в красивых туфлях? (фр.)

² Да, мадемуазель (фр.).

тому мальчики являлись для них почти неведомыми существами.

«Вьющиеся черные волосы, смуглое лицо, большие черные глаза, правильный нос, ровные зубы, маленькие кисти рук и ступни, выше меня, очень вежливый и вообще славный малый. Интересно, сколько ему лет?»

Вопрос уже вертелся у нее на кончике языка, но она вовремя спохватилась и с необычным для себя тактом попыталась выяснить это окольным путем.

— Вы, вероятно, готовитесь в университет? Я видела, что вы корпите над книжками... о, то есть я хотела сказать, прилежно занимаетесь. — И Джо покраснела из-за этого ужасного «корпите», которое вырвалось так неожиданно.

Лори усмехнулся, но, казалось, не был обижен и ответил, пожав плечами:

— Через год или два, во всяком случае, не раньше, чем мне исполнится семнадцать.

— Вам только пятнадцать? — спросила Джо, которая была уверена, что этому высокому юноше никак не может быть меньше семнадцати.

— Шестнадцать, в следующем месяце.

— Как я хотела бы пойти в университет! А вы, похоже, этому не рады.

— Терпеть не могу этих университетов! Или зубрежка, или глупые развлечения. Мне вообще не нравится, как юноши живут в этой стране.

— А как бы вы хотели жить?

— Я хотел бы жить в Италии и заниматься тем, чем мне нравится.

Джо очень хотелось спросить, чем именно ему нравится заниматься, но его черные брови сдвинулись так сурово, что она предпочла переменить тему и сказала, постукивая ногой в такт:

— Отличная полька! Почему бы вам не пойти потанцевать?

— Только с вами, — ответил он с галантным полупоклоном.

— Не могу. Я обещала Мег, что не буду танцевать, потому что... — Здесь Джо запнулась и взглянула на него в нерешительности, не зная, рассмеяться ей или продолжить.

— Почему? — спросил Лори с любопытством.

— Вы никому не скажете?

— Никогда!

— Понимаете, у меня скверная привычка стоять близко к огню, и поэтому я вечно подпаливаю платье, а это даже прожгла, и хотя оно аккуратно зачинено, все равно очень заметно, и Мег велела мне сидеть смирно, чтобы никто не увидел. Можете смеяться, если хотите. Это смешно, я знаю.

Но Лори не засмеялся; он на мгновение опустил взгляд, и выражение его лица озадачило Джо, когда он сказал очень мягко:

— Не беда, я скажу вам, как мы поступим: здесь рядом длинный зал, и мы можем великолепно потанцевать в конце его, и никто нас не увидит. Пожалуйста, пойдете.

Джо поблагодарила и охотно пошла, хотя, увидев красивые жемчужно-серые перчатки своего партнера, пожалела, что не обе ее перчатки чистые. Длинный зал был пустым, а полька — вели-

колепной. Лори танцевал очень хорошо и научил Джо новым немецким па, которые привели ее в восторг, — столько в них было свободы и живости. Когда музыка умолкла, они сели на ступенях лестницы, чтобы отдышаться. Лори увлеченно рассказывал ей о студенческих фестивалях в Гейдельберге¹, когда в зал в поисках сестры вошла Мег. Она кивнула, и Джо неохотно последовала за ней в боковую комнату, где обнаружила ее на диване, бледную и держащуюся за щиколотку.

— Я вывихнула ногу. Этот глупейший каблук подвернулся, и теперь мне так больно, я едва могу стоять. Не знаю, как я вообще доберусь до дома, — сказала она, раскачиваясь взад и вперед от боли.

— Я была уверена, что ты повредишь себе ноги в этих дурацких туфлях. Вот несчастье! Но я не знаю, что тут можно сделать, разве только нанять экипаж или остаться здесь на всю ночь, — отвечала Джо, нежно растирая ногу сестры.

— Нанять экипаж стоит огромных денег. К тому же, боюсь, нам не найти наемный экипаж, потому что большинство гостей приехало в собственных, а до ближайшей конюшни далеко и послать некого.

— Я сбегаю.

— Нет, ни в коем случае! Уже десятый час, и на улице — тьма египетская. Но и здесь

---

¹ Гейдельберг — город в Германии, где расположен знаменитый университет; в XIX в. среди студентов этого университета было немало американцев.

я остаться не могу: в доме полно гостей. К Салли приехало несколько подруг. Я отдохну, пока придет Ханна, а потом постараюсь встать.

— Я попрошу Лори, и он сбегает за экипажем, — сказала Джо с чувством облегчения, как только эта отличная идея пришла ей в голову.

— Помилуй, ни в коем случае! И не проси никого, и не говори никому. Дай мне мои галоши, а эти туфли положи к остальным нашим вещам. Я не могу больше танцевать, но как только ужин кончится, поищи Ханну и, когда она появится, тотчас дай мне знать.

— Все уже идут ужинать. Я лучше останусь с тобой.

— Нет, дорогая, сбегай и принеси мне кофе. Я так устала, мне с места не сдвинуться.

И Мег откинулась на спинку дивана, старательно закрыв галоши складками платья, а Джо неуверенно направилась на поиски столовой, в которой очутилась лишь после того, как сначала забрела в стенной шкаф с фарфором, а затем распахнула дверь комнаты, где подкреплялся в одиночестве мистер Гардинер. Войдя в столовую, она бросилась к столу и завладела чашкой кофе, которую немедленно расплескала, сделав тем самым переднюю часть своего платья ничуть не лучше задней.

— Ну что я за растяпа! — воскликнула Джо, оттирая платье перчаткой Мег.

— Не могу ли я помочь вам? — раздался дружеский голос. Это был Лори с полной чашкой кофе в одной руке и тарелкой мороженого в другой.

— Я хотела отнести что-нибудь Мег, она очень устала... но кто-то толкнул меня... и теперь я в таком отличном виде, — отвечала Джо, в ужасе переводя взгляд с пятна на юбке на перчатку цвета кофе.

— Сочувствую! А я искал кого-нибудь, чтобы предложить вот это. Можно я отнесу это вашей сестре?

— О, спасибо! Я покажу вам, где она сидит. Я не предлагаю отнести сама, потому что боюсь влипнуть в новые неприятности.

Джо указала путь, и Лори так, словно он давно привык обслуживать дам, принес маленький столик, вторую порцию кофе и мороженого для Джо и был так любезен, что даже привередливая Мег объявила его «милым мальчиком». Они приятно провели время за конфетами с девизами¹, и игра в «звонок»², которой они занялись вместе с двумя-тремя молодыми людьми, случайно зашедшими в комнату, была в самом разгаре, когда появилась Ханна. Мег забыла о своей ноге и проворно вскочила, но тут же схватилась за руку Джо, вскрикнув от боли.

— Тише! Ничего не говори, — шепнула она, добавив вслух: — Ничего страшного. Просто

---

¹ Распространенные в XIX в. конфеты, заворачиваемые в фантик, на внутренней стороне которого был написан стишок, девиз или пословица.

² Игра, участники которой быстро считают вслух по очереди; игрок, чья очередь пришлась на счет 7, 14, 21, 28 и т.д., должен издать звук, похожий на звонок или жужжание.

я слегка подвернула ногу, — и захромала вверх по лестнице, чтобы одеться.

Ханна ворчала, Мег плакала, а Джо была в полной растерянности, пока не решила взять дело в свои руки. Выскользнув из гардеробной, она сбежала вниз, отыскивала слугу и попросила его найти экипаж. Но, к несчастью, это оказался нанятый на один вечер официант, который не знал, где находились ближайшие конюшни. Джо растерянно озиралась кругом, ища помощи, когда Лори, услышавший ее слова, подошел и предложил экипаж своего дедушки, который, по его словам, был только что прислан за ним.

— Но ведь еще так рано! Вы, наверное, не собирались уезжать, — начала Джо с чувством облегчения, но все же не решаясь принять предложение.

— Я всегда уезжаю рано... всегда, правда! Пожалуйста, позвольте мне отвезти вас домой. Это по пути, вы же знаете... и, говорят, идет дождь.

Это обстоятельство оказалось решающим, и, рассказав ему о несчастье, постигшем Мег, Джо с благодарностью приняла предложение и бросилась наверх, чтобы доставить вниз остальную компанию. Ханна, которая боялась дождя, как кошка, не стала возражать, и они покатались в роскошном закрытом экипаже, с ощущением праздничности и комфорта. Чтобы Мег могла расположиться свободно и поднять ногу повыше, Лори сел на козлы, и по пути девочки без стеснения могли обсуждать события этого вечера.